

Особенности культурных смыслов в трудах М.М. Бахтина

© 2021 Лу Сяо-хэ

Лу Сяо-хэ, профессор Академии общественных наук провинции Хэбэй

E-mail: 1092739597@qq.com

Академия общественных наук провинции Хэбэй
(Шицзячжуан, провинция Хэбэй, Китай)

Аннотация. В статье рассматривается проблема культурного смысла в произведениях М.М. Бахтина в сравнении с идеями русских и европейских мыслителей: Л. Витгенштейна, Г. Фреге, Г.Г. Шпет и др. Автор подчеркивает своеобразие бахтинского взгляда на понятие «смысл».

Ключевые слова: смысл, действие, ответственность, понимание.

Творчество М.М. Бахтина можно условно разделить на ранний и поздний периоды. Ранние работы мыслителя написаны, можно сказать, под влиянием феноменологии. Однако это влияние – лишь внешнее, у Бахтина – собственное представление о смысле, отличное, например, от трактовки смысла в трудах другого российского философа – Густава Шпета. В более поздних работах Бахтина, написанных в 1950–1960-е гг., в которых рассматриваются проблемы диалогизма, общения, вновь возникает проблема смысла.

1. Размышления по поводу проблемы смысла можно обнаружить в ранних работах Бахтина «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности». В первой из них философ утверждает, что обнаружение (формирование) смысла происходит в процессе «участия в бытии» и, следовательно, это отношение между смыслом и бытием: «Мы уверенно поступаем тогда, когда поступаем не от себя, а как одержимые имманентной необходимостью смысла той или другой культурой области», – писал он [2, с. 23]. Здесь через смысл соединяются человеческий поступок и культура. Таким образом, смысл, по Бахтину, коренится в культуре, в бытии, а не в человеке. В тезисе Бахтина говорится об объективности смысла. Истинная природа смысла – это объективное существование (хотя он не настолько объективен в реальном мире, как вещь). Это представление Бахтина о смысле близко к позициям таких исследователей, как Готлоб Фреге, Людвиг Витгенштейн и др. (Согласно Фреге, выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» по отношению к планете Венера имеют одно и то же значение, но разные смыслы.) Цель рассуждений Бахтина о смысле заключается не только в утверждении его объективности, но и в критике философии того времени.

По мнению Бахтина, кризис современной ему философии заключается в том, что образовалась бездна между мотивом поступка и его продуктом, т. е. жизнь и культура не соединены «внутренним единством смысла», а разделены на две части: «наполовину объективный смысл и наполовину субъективный процесс завершения»; этот «акт нашей деятельности, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [2, с. 45].

В поисках «внутреннего единства смысла» Бахтин поднимает вопрос об ответственности, утверждая, что это единство может быть достигнуто только в случае ответственного «участия-поступка» субъекта, его активного поведения в бытии. Можно сказать, что бахтинская идея «внутреннего ответственного участия» была критикой некоторых философов того времени. Психологический фактор был реакцией на чисто объективистскую логику Фреге, для которого, как и для большинства философов, был характерен антипсихологизм.

Идея «участия» и «практический разум», предложенные Бахтиным, по нашему мнению, являются эффективной мерой, направленной на преодоление разрыва между «смысловым

содержанием» и действием. Бахтинская философия поступка есть практическая философия. Эта философия провозглашает: «...и это ответственно делается каждым познающим, поскольку он принимает ответственность за каждый целокупный акт своего познания, т. е. поскольку познавательный акт, как мой поступок, включается со всем своим содержанием в единство моей ответственности...» [2, с. 16].

Можно сказать, что поступок действительно осуществляется в жизни, устраняя барьеры между поведением и существованием. Это то, что Бахтин считает «философией поступка» («практической философией»), т. е. «первой философией», которая является эффективным средством достижения «поведенческих целей».

2. «Мое участие» в этом процессе означает, что в «единстве культуры» Бахтина содержится «эмоционально-волевой тон», «эмоциональная воля», «эмоциональная ответственность» в «эмоционально-волевом единстве смысла».

Это показывает, что «культурное единство» содержит «теоретические ценности, исторические факты, эмоционально-волевой тон». Утверждение о том, что эмоционально-волевой тон является неотъемлемой частью «культурного единства», является важным отличием Бахтина от других исследователей проблемы смысла. По мнению Бахтина, эмоционально-волевой тон «обтекает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию. Именно эмоционально-волевой тон ориентирует в единственном бытии, ориентирует в нем и действительно утверждает смысловое содержание» [2, с. 33]. Единство культуры неотделимо от эмоционально-волевого тона; с одной стороны переживание, эмоционально-волевой тон обретает свое единство только в культурном единстве, иначе он становится чем-то случайным («действительное сознание, чтобы быть единым, должно отразить в себе систематическое единство культуры с соответствующим эмоционально-волевым коэффициентом...» [2, с. 35]; с другой стороны, культурное единство не может не иметь индивидуального голоса эмоциональной воли: «Бытие (и культурное бытие в частности. – *Лу Сяо-хе*), отрешенное от единственного эмоционально-волевого центра ответственности – черновой набросок, непризнанный возможный вариант единственного бытия...» [2, с. 42]. Таким образом, объективный смысл в культурной сфере должен быть объединен с единственной эмоциональной волей субъекта, и, по словам Бахтина, «все общее и смысловое обретает свою тяжесть и нудительность тоже только в соотнесении с действительной единственностью» [2, с. 42].

Отсюда следует, что культурный смысл у Бахтина невозможен без субъекта (человека), чего нет в теории Фреге, который рассматривал «утреннюю звезду» и «вечернюю звезду» в качестве «смысла», не подчеркивая при этом роль субъекта, говоря лишь о том, что разные точки зрения могут иметь различные отображения. Добавление эмоциональной воли и отношения в смысл подчеркивает положительные факторы, которые являются субъектами, позитивным направлением сознания, позитивным фактором переживания, испытанного мной. Но переживание должно выйти за пределы того ценностного уровня, на котором оно находится, оно должно найти важную точку опоры – это и есть смысл. Здесь мы рассматриваем переживание, чувство и действия как поступок жизни. Таким образом, поступок является «практическим действием» человека, движущей силой, находящей смысл, и фактором формирования смысловой ценности.

Установление «ценности эмоциональной воли» в культурном смысле означает представление об отношениях между людьми в нем. Лейтмотив его идей состоит в том, что «другие – важнее». Хотя он говорит, что только с моего единственного места обретается смысловая ценность, однако им неоднократно подчеркивается, что «жить из себя, со своего единственного места отнюдь еще не значит жить только собою, только со своего единственного места возможно именно жертвовать – моя ответственная центральность может быть жертвенною центральностью» [2, с. 45]. Поэтому он утверждает, что «все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих основных архитектурных точек действительного мира поступка: научные ценности, эстетические, политические (включая и этические и социальные) и,

наконец, религиозные» [2, с. 50]. Классическая формулировка этих центральных элементов гласит: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого. Разумеется, он также утверждает, что «все пространственно-временные ценности и содержательно-смысловые ценности и отношения стягиваются к этим эмоционально-волевым центральным моментам» [2, с. 50].

3. Объективный бытийный смысл требует, чтобы субъект обнаружил его. Это важнейший постулат бахтинской философии поступка и его концепции культурного смысла. Эта идея также получила отражение в «Авторе и герое в эстетической деятельности». Бахтин характеризует здесь «смысловый ряд жизни» как «познавательное-этическое напряжение жизни изнутри ее самое»; «я живу – мыслю, чувствую, поступаю – в смысловом ряду своей жизни, а не в возможном, завершимом временном целом жизненной наличности» [2, с. 182]. Бахтин ставит под вопрос «смысловый ряд жизни» в противоположность тому, как организуется моя жизнь во времени: завершимое временное целое жизненной наличности «не может определять и организовывать мои мысли и поступки изнутри меня самого, ибо они познавательные и этически значимы (вневременны)» [2, с. 182].

Бахтин с точки зрения феноменологии обнаруживает принципиальную разницу в значении времени в самопереживании и переживании мною другого. Это отличие состоит в том, что когда я переживаю другого, то другой человек сплошь находится во времени, как и в пространстве, и ничто не может разрушить моего переживания его во времени; когда я переживаю самого себя, то сам для себя я не весь во времени, потому что большая часть меня интуитивно ощущается за границей времени, у меня есть непосредственно данная опора в смысле. Эта опора непосредственно не дана мне в другом, его я сплошь помещаю во времени. Таким образом, для самого себя Бахтин отметил: «очевидно, что я не располагаю и не организую свою жизнь, свои мысли, свои поступки во времени (в некое временное целое)...» [2, с. 183], и далее он отмечает: «я живу не временною стороною своей жизни, не она является управляющим началом даже в элементарном практическом поступке... Жизнь конкретного, определенного другого существенно организуется мною во времени...» [2, с. 183].

Наконец, он приходит к выводу, что «мое единство – смысловое единство (трансцендентность дана в моем духовном опыте), единство другого – временно-пространственное» [2, с. 184]. Здесь и «духовный опыт» и «непосредственно данная опора в смысле» показывают, что «дух... – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от я)» [2, с. 184]. Отсюда следует, что в теории Бахтина смысл включает в себя дух; дух – это ядро смысла: «С точки зрения самопереживания интуитивно убедительно смысловое бессмертие духа, с точки зрения переживания мною другого – становится убедительным постулат бессмертия души...» [2, с. 184]. А душа – не осуществивший себя дух, отраженный в любящем сознании другого (человека, Бога). Поэтому, переживание – это след смысла в бытии. Это также показывает, что «смысл подчиняется ценности индивидуального бытия, смертной плоти переживании» [2, с. 188], становится содержанием, ведь первичен смысл не пространственный и не материальный, не телесный, а бытийный. Отсюда понятно, какова природа «смыслового ряда жизни» у Бахтина.

4) Будущая природа смысла. Смысловое будущее играет важную роль в понимании и совершенствовании себя. Бахтин считает, что для моей собственной ценности мне необходимо полагать эту ценность в смысловое будущее. Я – в своем смысле и ценности для себя самого – отброшен в мир бесконечно требовательного смысла. Только в смысловом будущем я становлюсь настоящим человеком: «Мое определение самого себя дано мне (вернее, дано как задание, заданность) не в категориях временного бытия, а в категориях *еще-не-бытия*, в категориях цели и смысла, враждебном всякой наличности моей в прошлом и настоящем. Быть для себя самого – значит еще предстоять себе (*перестать предстоять себе, оказаться здесь уже всем – значит духовно умереть*)» [2, с. 194]. Бахтин показывает, что смысловое будущее есть дух. Дух не только характеризует человеческое бытие как бытие именно человека, но и конституирует его в этом качестве. Если у него нет духовности, нет смыслового будущего, то он является как бы человеком без души (зомби). Он задается вопросом: «В чем моя внутренняя уверенность, что выпрямляет

мою спину, поднимает голову, направляет мой взгляд вперед?» и отвечает: «и здесь ценностный центр самоопределения сдвинут в будущее» [3, с. 118], в более отдаленное будущее. Только будущее обладает такой способностью, а у настоящего и прошлого как бессмысленного нет такой способности. «Мир моего смыслового будущего чужероден миру моего прошлого и настоящего. В каждом моем акте, моем действии, внешнем и внутреннем, в акте-чувстве, в познавательном акте, оно противостоит мне как чистый значимый смысл и движет моим актом...» [3, с. 115]. Все это говорит: будущее, смысловое будущее есть цель и миссия действий, духовная мотивация для выполнения задачи. «Смысл» здесь демонстрирует внутреннюю движущую силу – сущность «духовности». Все это было достигнуто и получено с моей ответственностью за участие в событиях, связанных с реальностью. Вот почему мы продолжаем настаивать на том, что взгляды Бахтина в этом отношении сильно отличаются от взглядов Мартина Хайдеггера: будущее Хайдеггера направлено на «заботу».

Тем не менее, мое внутреннее существование создано этим предстоящим смыслом и если бы оно стремилось к самодовольству, самоцели и наслаждению и отсеклось от смысла, то было бы в глубоком самопротиворечии. Как отмечает Бахтин, слепая погоня за истинным идеалом и слепая погоня за смыслом в себе значит обман, что приводит к овеществлению человека. «Овеществление человека» – «овеществление смысла», поскольку человек, по выражению А.Ю. Агафонова, – это «смысловая модель мира» [1]. Здесь мы тоже видим, что «отрицание овеществления человека» у Бахтина означает отрицание овеществления смысла в себе.

Повторим еще раз: цель анализа отношений между смыслом и временем у Бахтина заключается в том, что его художественное задание устроит конкретный мир: пространственный с его ценностным центром – живым телом, временной с его центром – душой и, наконец, смысловой – в их конкретном взаимопроникающем единстве [3, с. 175]. Только активное участие в бытии-событии может создать такое единство.

5. Смысл и понимание. В книге В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» говорится, что существуют два понимания: пассивное и активное.

Пассивное понимание – это понимание «филологического типа» (т. е. объяснение), а именно понимание значения различных элементов внутри языка (текста, слова, системы языка и т. п.). «В таком случае это будет исследование словарного слова» [4, с. 113]; «такое понимание с заранее исключенным ответом в сущности вовсе не является пониманием языка-речи... Для пассивного понимания характерно как раз отчетливое ощущение момента тождества языкового знака, т. е. вещно-сигнальное восприятие его и в соответствии с этим – преобладание момента узнавания» [4, с. 80]. Активное понимание – это понимание высказывания, которое является зародышем ответа. Высказыванием «может овладеть только активное понимание, становлением овладеть можно только с помощью становления же» [4, с. 113]. «Таким образом, каждый выделяемый смысловой элемент высказывания и все высказывание в целом – переводятся нами в иной, активный, отвечающий контекст. *Всякое понимание диалогично*» [4, с. 113]. В 1920-х гг. Бахтин разделил понимание на два типа: пассивное – понимание значения (семантики) словарного слова, и активное, диалогическое – понимание высказывания.

По мнению Бахтина, пассивное понимание – это объяснение (интерпретация) значения (семантики) произведения. Такой семантический анализ рассматривает произведение как объект. При объяснении – только одно сознание, один субъект, Поэтому у него нет «диалогических моментов», и не может быть диалогических отношений. Активное понимание – это понимание (ответ, диалог) в отношении высказывания. При понимании – два сознания, два субъекта, так как у высказывания существуют субъект и сознание. Здесь есть оценка и понимание «ценностно-смысловых элементов слова». Они тоже диалогические. Далее, эти элементы обретают сущность-приобщение, на высших этапах – приобщение к высшей ценности (в пределе абсолютной) [4, с. 113]. И ценностно-смысловые элементы слова рождаются в приобщении высшей ценности. В то же время Бахтин считает, что эта абсолютная ценность не существует внутри материалов текста, а в произведение входит и необходимый его внетекстовый контекст. Этот контекст может

быть диалогизирующим фоном его восприятия – к этому в известной степени сводится проблема социальной обусловленности произведения.

Произведение в таком контексте понимается и оценивается (контекст меняется в зависимости от эпохи восприятия, что создает новое звучание произведения). Бахтин делает вывод: взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур, полученное оценкой и пониманием в этом интонационно-ценностном контексте, имеет большое значение для обеспечения сложного единства всего человечества, сложного единства всего человеческой культуры.

Это понимание сложного единства всей человеческой культуры является смысловым, диалогическим пониманием. Диалогизм (диалогическое отношение), по Бахтину, включает в себя широкие области: философскую, политическую, экономическую, дипломатическую, художественную и повседневную, а также в литературе («диалоги мертвых», «диалоги глухих»); существуют и «нулевые диалогические отношения». Здесь Бахтин задает вопросы о цели диалогического понимания. Что касается понимания произведения (текста), оно должно достигать такой цели: понять произведение так, как понимал его автор, не выходя за пределы его понимания [3, с. 369], в другом месте он пишет: понимать текст так, как его понимал сам автор данного текста – это лишь первая задача [3, с. 365]. Решение этой задачи очень трудно и требует обычно привлечения огромного материала. Вторая задача – использовать свою временную и культурную вневременность; включение в наш (чужой для автора) контекст; в этом случае понимание может и должно быть лучше [3, с. 365]. Решить эту задачу сложнее, так как, «могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным и многосмысленным. В понимании оно восполняется сознанием и раскрывается многообразие его смыслов» [3, с. 365]. Это свидетельствует о том, что понимание произведения другим человеком должно быть лучше, чем его понимание автором. Эта интерпретативная точка зрения Бахтина, можно сказать, унаследована от философов Фридриха Шлейермахера и Вильгельма Дильтея. В этот момент читатель понимает, что у него будет приобретенный смысл, выходящий за рамки значения автора в тексте. Таким образом, Бахтин утверждает, что понимающий (то есть читатель) вовлечен в создание произведения и является его соавтором.

Однако является ли это совместное создание произведений путаницей между двумя понимающими сознаниями? Это касается понимания и оценки. Бахтин считает, что нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый, целостный акт.

Но понимающий подходит к произведению со своим, уже сложившимся мировоззрением, со своей точки зрения, со своих позиций. Эти позиции в известной мере определяют его оценку, но сами при этом не остаются неизменными: они подвергаются воздействию произведения, которое всегда привносит в них нечто новое. Понимающий не должен исключать возможности изменения или даже отказа от своих уже готовых точек зрения и позиций. Итак, следует четко разделять два сознания, их противостояние и их взаимоотношение. В связи с этим Бахтин предложил «вопрос глубины понимания».

Глубина понимания, по его мнению, является одним из самых высоких критериев в гуманитарном познании. Слово, если только оно не заведомая ложь, бездонно, оно набирает глубину, а не высоту и ширь, ведет к поиску «третьего лица», его ответного понимания.

6. «Третий» Бахтина и «сверхсмысл» Виктора Франкла. «Сверхсмысл» является составляющей частью тотального смысла. Шпет считал, что смысл состоит из трех частей: смысл «an sich», смысл «in sich» и смысл «für sich». Здесь смысл «an sich» – определительная квалификация предмета, смысл «in sich» – квалификация в способах данности, смысл «für sich» – тот вопрос, к которому мы подвигаемся, интимный, внутренний смысл предмета, смысл для себя [6, с. 132, 185]. Взгляды Бахтина близки к этому. Но различие заключается в том, что Бахтин отрицает смысл «an sich». Он утверждает: «не может быть смысла в себе – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» [3, с. 370]. Поэтому он определяет смысл так: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [3, с. 369]. В то же время он использует такие термины, как «потенция

смысла», «глубинный смысл», «интимный смысл», «бесконечный смысл» и т. д. в качестве основных характеристик смысла. Несмотря на то, что у Бахтина нет термина «смысл для себя», эти его термины близки к тем, что мы находим у Шпета.

Отрицание смысла «an sich», «коммуникативная природа» смысла помогают Бахтину поднять вопрос о «смысле для другого». Это согласуется с философией Бахтина – «философией другого Я». В бахтинской философии был отвергнут «человек в себе», есть только «вещь в себе». Он считает, что каждый человек есть я для себя, но в конкретном и неповторимом событии жизни я для себя, только я единственный, а все остальные – другие для меня [3, с. 340]. Но в отношении (форме) я и *другого* самое существенное – отличие я-для-себя и я-для-другого. Это основное ядро его философской антропологии – сбросить с себя бремя единственного в мире я (я-для-себя), как мы говорим, «посвятить себя служению народу». В отличие от вышеупомянутой позиции в «смысле для себя» идея Бахтина заключается в том, что понимающий неизбежно становится *третьим* в диалоге. Что это за скрытый *третий*?

Бахтин утверждает, что автор высказывания более или менее осознанно предполагает высшего *нададресата* (третьего в диалоге), его абсолютно справедливое ответное понимание предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени. В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения (Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.) [3, с. 323].

С точки зрения «смысла для себя» эта интерпретация Бахтина близка к «сверхсмыслу» Франкла. Мы видим, что в «жизненном смысле» существует понятие «сверхсмысл». Франкл связал «сверхсмысл» с конечной целью жизни человека, со «сверхсмыслом» Вселенной. Он писал: «Очевидно, что вера в сверхсмысл – как в метафизической концепции, так и в религиозном смысле Провидения – имеет огромное психотерапевтическое и психологическое значение» [5, с. 163]. Подобно истинной вере, основанной на внутренней силе, такая вера делает человека гораздо более жизнеспособным. Для такой веры в конечном счете нет ничего бессмысленного. Получается, что в мире проявляется нечто подобное закону сохранения духовной энергии. Он также считал, что ни одна великая мысль не может пропасть, даже если она так и не дошла до людей, даже если она была «унесена в могилу». Согласно этому закону, ни одна драма или трагедия внутренней жизни человека никогда не проходит впустую, даже если они разыгрывались втайне, не отмеченные, не прославленные ни одним романистом [5, с. 163]. Очевидно, что Франкл рассматривал «сверхсмысл» как истинную веру, великий ум, дух и жизненную силу.

Несмотря на то, что у Бахтина нет термина «сверхсмысл», его понятие «третий» («нададресат») соотнесено с понятием «сверхсмысл» Франкла. Оба считают, что в метафизической концепции, как и в религиозном смысле «сверхсмысл» имеет огромное значение. Франкл как врач подчеркивает его огромное психотерапевтическое и психологическое значение, Бахтин как выдающийся философ видит его разные конкретные выражения в идеологических областях, считая, что эти выражения обретают внутренние духовные движущие силы.

«Третий» и «нададресат» Бахтина отличают его от взглядов других мыслителей своим «диалогическим смыслом». Бахтин, хотя признает бесконечность диалога (смысла), считает, что диалог может искать третье, т. е. «Абсолютную истину», «конечное значение», «вселенский смысл», и это искание бесконечно. У таких теоретиков, как Ханс-Георг Гадамер, Поль Рикёр, Ролан Барт, литературоведов-структуралистов и п. д. «диалог» – это языковое явление; Бог (автор) уже мертв, остался только один субъект – читатель, подчеркивается «слияние горизонтов» текста и читателя. Это привело к относительности и нигилизму в теории диалога. «Третье» и «нададресат» предложенные Бахтиным, являются контрверсией подобных теорий.

7. Овеществление смысла и личности. Овеществление смысла означает включение его в каузальный ряд [3, с. 317]. По сути это является эпистемологической и методологической проблемой. То есть контекст (коммуникация между людьми) превратится во взаимодействие между субъектом и объектом или между объектом и объектом (в пределе). Например, в том

случае, если мы превратим диалог в один сплошной текст, т. е. сотрем разделение голосов (смену говорящих субъектов), то в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), что другой человек становится не персонифицированным объектом (концепция структуралистов) и глубинный (бесконечный) смысл исчезает (мы стучаемся о дно, ставим мертвую точку) [3, с. 385]. Бахтин подчеркивает, что полное, предельное овеществление неизбежно привело бы к исчезновению бесконечности и бездонности смысла (всякого смысла). Он считает, что догматические мысли принадлежат к такому ряду. Все, что устраняет конечность смысла, свидетельствует об овеществлении смысла.

В создателе и писателе это проявляется в стремлении «овеществить» внесловесные контексты: «только я один выступаю как творческая говорящая личность, все остальное вне меня только вещные условия, как *причины*, вызывающие и определяющие мое слово. Я не беседую с ними – я реагирую на них механически, как вещь реагирует на внешние раздражения» [3, с. 385]. Это является примером того, как активные ответственные диалоги превращаются в пассивные монологи.

Если такое «овеществление» касается читателей, то существует лишь один объясняющий (есть различие между «объяснением» и пониманием): «Освещение текста не другими текстами (контекстами), а внетекстовой вещной (овеществленной) действительностью» [3, с. 385], в этот момент они интерпретируют текст так, как это делается в естественных науках – исключая персонифицированную историчность или, как структуралисты, которые освещают текст только изнутри него самого.

Они определяют имманентного произведению слушателя как всепонимающего, идеального слушателя. Это не другое, только абстрактное идеальное образование. Ему противостоит такой же абстрактный идеальный автор. При таком понимании, идеальный слушатель является зеркальным отражением автора, дублирующим его. Он не может внести ничего своего, ничего нового в идеально понятное произведение и в идеально полный замысел автора. В это время между автором и таким воспринимающим не может быть никакого взаимодействия, никаких активных драматических отношений, ведь они – равные себе и друг другу абстрактные понятия. Здесь нет ни грана персонификации.

Из вышесказанного следует, что смысл персоналистичен: в нем всегда есть вопрос, обращение и предвосхищение ответа, в нем всегда двое (как диалогический минимум) [3, с. 385]. Это ядро бахтинской теории смысла.

8. Сила смысла. Цель нашего исследования – в том, чтобы признать огромную силу смысла: его универсализм, всемирность и всевременность. Все вещи в мире существуют сами по себе, но когда они встречаются с человеком, обретают значение и смысл.

Это создает пределы (а не абсолютные субстанции) между личностью и вещью. Действительно ли в их пределах, в их трансляции смысл имеет такую громадную силу? Он может менять физические, материальные и другие явления, он может действовать, как материальная сила? Бахтин считает, что это невозможно, он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия). Каждое слово текста преобразуется в новом контексте [3, с. 387–388].

Итак, смысл определяется в сознании и мышлении. Здесь смысл может соответствовать духу. Мы говорим о том, что духовная сила невероятно сильна, что она просто играет роль в области сознания и мышлении и меняет смысл в целом, но в других областях, например, в области материальной жизни, он также мал, и не стоит ожидать, что он обладает силой, способной непосредственно изменять физический мир. Его действие не прямое, а косвенное. Роль культурного смысла в действительности заключается во-первых, в изменении идеологии и нравственности реципиента, в его самосовершенствовании и нравственном самообразовании, во-вторых, в воздействии на экономические основы через человека. В противном случае, когда мы возвышаем наши смысловые ценности, легко впасть в пропасть идеализма или догматизма.

Таким образом, мы должны избегать того, чтобы стремиться к чисто экономическим

интересам, игнорируя мораль и этику, или к тому «овеществлению» смысла и радикальному преувеличению его силы. Наши исследования смысла не могут позволить читателям получить экономическую выгоду, но помогут развивать сознание людей для обретения ими истинных знаний, духовно-душевного здоровья, для их самосовершенствования.

1. *Агафонов А.Ю.* Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. Самара: Издат. Дом «БАХРАХ–М», 2000. 336 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. 957 с.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. *Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин).* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 189 с.
5. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
6. *Шпет Г.Г.* Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. 192 с.

Features of cultural meanings in the works of M.M. Bakhtin

© 2021 Lu Xiao-he
professor at the Hebei Academy of Social Sciences
E-mail: 1092739597@qq.com

The Hebei Academy of Social Sciences
(Shijiazhuang, Hebei Province, China)

Annotation. The article examines the problem of cultural meaning in the works of M.M. Bakhtin in comparison with the ideas of Russian and European thinkers: L. Wittgenstein, G. Frege, G.G. Shpet and others. The author emphasizes the uniqueness of Bakhtin's view of the concept of "meaning".

Keywords: meaning, action, responsibility, understanding.

1. *Agafonov A.Yu.* Chelovek kak smyslovaya model' mira. Prolegomeny k psihologicheskoy teorii smysla. Samara: Izdat. Dom «BAHRAH–M», 2000. 336 s.
2. *Bakhtin M.M.* Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 1. M.: Russkie slovary, 2003. 957 s.
3. *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
4. *Voloshinov V.N. (M.M. Bakhtin).* Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o yazyke. Kommentarii V. Mahlina. M.: Labirint, 1993. 189 s.
5. *Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla. M.: Progress, 1990. 368 s.
6. *Shpet G.G.* Yavlenie i smysl. Tomsk: Vodoley, 1996. 192 s.